

А.М.Руткевич

“Понимающая психология” К.Ясперса

Противопоставление каузального объяснения и интенционального понимания имеет долгую традицию в европейской философии, начиная, вероятно, с платоновского “Федона”. Не касаясь предыстории герменевтики, отметим, что уже у Шлейермахера искусство толкования текстов становится методом постижения “жизни”, а “грамматическое” и “психологическое” понимание образуют неразрывное единство. У Дильтея основанием герменевтики становится психология: “первая и основополагающая единичная наука о духе; следовательно, ее истины образуют фундамент остального знания”¹. В различных вариантах историцизма ставится задача постижения индивидуального как тотальности.

“Описательная психология” Дильтея по ряду причин не могла стать фундаментом той психологии и психиатрии, которые развивались представителями этих дисциплин: процедура “вчувствования” не годится для постижения внутреннего мира психически больного индивида. Феноменологическая психология и психиатрия ставили перед собою ту же цель, но решали ее иными средствами. Феноменологическое описание, интенциональный анализ сознания были противопоставлены “психофизике”, методам объективирующего познания. В начале века появляются работы Е.Минковского, В. фон Гебзаттеля, Э.Штрауса, в которых предзаданные объяснительные схемы клинической психиатрии “берутся в скобки”. Важнейшей работой начала века была “Общая психопатология” К.Ясперса, до сих пор являющаяся образцом применения дескриптивной феноменологии к симптомам и синдромам психических заболеваний.

Труды Ясперса по психиатрии были написаны им до того, как он разработал собственное философское учение, но в них уже ощутим интерес к философии. В своей автобиографии он вспоминал, что занялся медициной и психопатологией из философских мотивов, полагая, что сделать своей профессией философию означало бы слишком много на себя брать. С 1908 по 1915 г. он работает в Гейдельбергской психиатрической клинике и публикует несколько работ, в которых уже обсуждается вопрос о применимости феноменологического метода к различным психопатологическим явлениям. Сделавшийся

ныне общеупотребительным термин “понимающая психология” был введен именно Ясперсом. В 1913 г. выходит его “Общая психопатология”. В дальнейшем Ясперс написал несколько “патографий”: Стриндберга, Ван Гога, Гельдерлина, Ницше. В то время, когда на его публикации был наложен запрет со стороны нацистов, он перерабатывает свою “Общую психопатологию” (прежде всего в 1941–42 гг.). Если первоначальный вариант книги содержал около 300 страниц текста, то вышедшее в 1946 г. издание увеличилось более чем вдвое. Оно отчасти отличалось и по своим идеям, поскольку в первом издании еще доминировали идеи “описательной психологии” Дильтея и феноменологии Гуссерля, тогда как в послевоенном издании он учитывает все то, что было им к тому времени наработано в области философии. В особенности это относится к последнему разделу, где речь идет об отношении психопатологии к психиатрии и философии.

Как и большинство клиник начала века, университетская клиника в Гейдельберге жила идеями Эмиля Крепелина, который последовательно обосновывал практику психиатрии с помощью естественнонаучных методов. Немецкие психиатры повторяли вслед за Гринингером: “болезни духа суть болезни мозга”, объясняли все “симптомы” и “синдромы” соматическими нарушениями. В борьбе с витализмом, которую начали Гельмгольц и Дюбуа-Реймон в середине XIX в., была одержана столь решительная победа, что психиатры – вслед за остальными медиками – стали рассматривать человека исключительно в качестве природного существа, *Naturwesen*. Ясперс вспоминал, что его книга была воспринята как нечто совершенно новое лишь потому, что психиатры того времени вообще забыли о том, что человек также является *Kulturwesen*, представляет собой личность, а не совокупность органов и механизмов.

Следует отметить, что натуралистическая слепота немецких психиатров имела и ряд трагических последствий. Все то, что не помещалось в их клинические описания, получало ярлык “Einfache Seeleströrung” (“простое душевное расстройство”), причем даже Крепелин склонялся к тому, чтобы считать эти болезни, во-первых, неизлечимыми, и, во-вторых, связанными прежде всего с дурной наследственностью. В 20-е гг. эти идеи подхватываются многочисленными сторонниками евгеники. Не национал-социалисты, а именно ведущие немецкие психиатры начинают кампанию за “чистоту расы”, “борьбу против дурной наследственности”, которая затем, в 30-е гг., приведет к изменениям законодательства, к массово проводимым операциям (прерывание беременности, искусственное бесплодие), а затем к уничтожению психически больных в начале 40-х гг. (как в за

воеванных странах, так и в самой Германии). Разумеется, между теоретической ограниченностью и бесчеловечной практикой нет прямой связи, а из открытия частичной наследуемости предрасположенности к шизофрении совсем не обязателен вывод о том, что “Einfache Seeleströrung” (шизофрения в современной терминологии) может “излечиваться” путем уничтожения ее носителей. Тем не менее, вопрос о применяемых психиатрами методах очевидным образом связан с вопросами этики и права.

В предисловии к 7-му изданию Ясперс писал: “Сегодня понимающая психология стала неоспоримой частью психиатрии. Но относить мою книгу к феноменологическому направлению или к понимающей психологии верно лишь наполовину, поскольку ее замысел был более широким: прояснение методов психиатрии вообще, способов восприятия и исследования. Все опытное знание должно стать предметом методической рефлексии и критического рассмотрения”². В “Философской автобиографии” он отмечал, что психиатрия начала века – при всех претензиях на строгую научность – отличалась удивительной терминологической разногласицей, когда чуть ли не каждая клиника использовала собственный жаргон. Одни и те же феномены описывались на разных языках, каковыми были языки естествознания того времени, принимавшиеся психиатрами за саму реальность. Ясперса интересовала не “чистая” методология, но зависимость от метода наблюдения опытных данных. По существу, Ясперс пытался сформулировать “правила метода” не только для психопатологии, но и для всей психологии – или даже для всей совокупности наук о человеке – поскольку эти науки неизбежно оказываются либо каузально-объясняющими, либо использующими особый метод “понимания”. В издании 1946 г. он ссылается на Дройзена, Дильтея, Шпрангера, Зиммеля, раннюю феноменологию Гуссерля (до трансцендентального идеализма и Wesensschau). В период написания “Общей психопатологии”, помимо Дильтея и Гуссерля, на него несомненное влияние оказали идеи М.Вебера. В отличие от последующей феноменологической психиатрии и Daseinsanalyse, Ясперс не стремился к “преодолению” естественнонаучного подхода в психиатрии и психологии. Своей целью он считал дополнение, расширение психопатологии за счет метода понимания. Соматически человек сходен с животными, а потому к нему применимы методы физики или биологии. Но в области психологии лишь крайне незначительная часть душевной жизни доступна для количественно определенного или даже для научно объективируемого интересубъективного исследования. В дальнейшем он будет говорить о том, что “человек одновременно вы

ступает как объект исследования и как экзистенция, как недоступная какому бы то ни было исследованию свобода”³. Ограничено и наше познание внешнего мира, но в случае человеческой экзистенции натуралистическая “психофизика” прямо перетекает в то, что Ясперс называет “суеверием” (коему подчиняются сегодня и очень многие ученые). “Подлинная наука – это знание, в которое входит знание о методах и границах знания”⁴, тогда как и современную веру в науку, и ее “дополнения” или “преодоления” с помощью всякого рода эзотерических дисциплин Ясперс характеризует как нечто родственное мошенничеству. К последнему, как мы увидим далее, он относил психоанализ. Человек всегда больше того, что он на данный момент о себе знает; но даже эти знания о самом себе и о других людях по большей части не могут квантифицироваться, подводиться под общие законы. Психология лишь в самой малой степени является гипотетико-дедуктивной наукой. Там, где в человеке видят лишь предмет научно познаваемой природы, там гуманизм подменяется неким гоминизмом (Hominismus), поскольку человек рассматривается исключительно как экземпляр биологического вида⁵.

Ясперс не отрицает плодотворности применения каузального объяснения в области психопатологии, но он ограничивает его теми явлениями, которые доступны внешнему наблюдению. Путем объективирующего познания мы соединяем одни факты с другими, пытаемся установить определенные закономерности, устанавливаем причины и следствия. Но так как большая часть психических “фактов” недоступны для количественного анализа, то неизбежным оказывается дополнение этого метода феноменологическим описанием и “пониманием”.

Термин “феноменология” Ясперс употреблял в ограничительном смысле для “статической” дескрипции, тогда как собственно психологическим является “генетическое понимание”, перекликающееся с психоаналитическими “реконструкциями”. У него встречаются близкие психоанализу метафоры: “непосредственно доступная, действительно переживаемая жизнь подобна пене, плавающей над океанскими глубинами”⁶. Он высоко оценивает наблюдения Фрейда, однако психоаналитическая теория отвергается Ясперсом как незаконное смешение естественнонаучных и философских понятий, объяснения и понимания. Психоанализ претендует на понимание того, что доступно лишь для каузальных методов, но в то же самое время он считает причиной симптомов символические образования. Границей понимания являются биологические процессы, физиологический субстрат психических актов. Они детерминируют душевные взаимосвязи, но сами не переживаются и не имеют внутреннего смысла

ла. Бессознательное для Ясперса – это всегда внесознательное, царство непрозрачных каузальных механизмов. Сам термин “бессознательное” двусмыслен, а потому от него следует отказаться: “в нем смешивается потенциально доступное переживанию и то, что является внесознательным и не может быть пережито”⁷⁷. Между душевными смысловыми связями имеются разрывы, которые мы не можем заполнить путем понимания. В психологическом познании поэтому всегда сочетаются понимание и объяснение, а между ними лежит, по образному сравнению Ясперса, гигантский континент, который пытаются исследовать с двух сторон, но пока что находятся недалеко от места высадки. Это сравнение хотя бы оставляло надежду на то, что когда-нибудь исследователи континента психики могут встретиться. В дальнейшем Ясперс будет писать о границах любого научного познания, всякой науки. Прояснение экзистенции и экзистенциальное понимание имеют дело с тем, что вообще не подлежит объективации.

Тем самым Ясперс приходит к методологическому дуализму. “Объяснение не делает связь понятной, понимание ее не объясняет. Каждое из них, понимание и объяснение, преподносят друг другу нечто новое. Действительно, не существует процесса, который в одном и том же смысле мог бы быть и понят, и объяснен”⁷⁸. Отсутствует точка схождения двух перспектив – между ними лежит и будет лежать целый “континент”. Один метод говорит нам о психике “извне”, другой показывает ее “изнутри”. В одном случае целью является установление количественных параметров, в другом мы имеем дело только с качественными данными. Понимание опирается на непосредственную очевидность данного. Терапевт имеет дело с эмоциями, мотивами, страхами и т.д., которые он может переживать в собственной душе, а тем самым и понимать их. Статическое понимание эмпирически выявляет интенциональные предметности, переживаемые или мыслимые пациентом. От феноменологической дескрипции Ясперс переходит к генетическому пониманию, показывая, как “душевное с очевидностью прорастает из душевного”. Эти смысловые взаимосвязи понимаются идеально-типически (в смысле М.Вебера): очевидность следования одной эмоции за другой не обязательно свидетельствует о том, что такой процесс имел место в каждом конкретном случае; могут существовать очевидные смысловые связи, каковых вообще никогда не бывало в реальной жизни индивидов.

Понимание имеет у Ясперса четко очерченные границы. С одной стороны, оно опирается в то, что может быть только объяснено – как биологическое существо человек принадлежит миру природы. С другой стороны, область понимаемого есть мир “душевного”, тогда

как над ним возвышается сфера, которую ранее философы называли “духом”, а у Ясперса она предстает как “трансценденция”, требующая философского “прояснения” (Erhellen). На место дильтеевского “вчувствования” здесь становится экзистенциальная коммуникация. Человек как экзистенция лежит за пределами всех конкретных наук, будь они “объясняющими” или “понимающими”.

В психоаналитической литературе особое внимание уделяется таким явлениям, как истерическая конверсия, симптомы невроза навязчивых состояний, влечения и сновидения, где кажется, что метод понимания проникает до уровня инстинктов, где сами влечения наделены смыслом и целью. Для Ясперса это лишь видимость, которую психоаналитики принимают за реальность, так как не умеют или не хотят критически анализировать данные сознания. Не зная каузальных механизмов, мы эвристически заполняем пустоты между осмысленными душевными переживаниями “как бы пониманием смысловых взаимосвязей”. На основании таких “как бы” (als ob) Фрейд создал целую догматику, в которой душевные явления описываются языком биологии, а инстинкты наделены чертами осмысленных переживаний. С этим волюнтаром Ясперс решительно воювал всю жизнь, поскольку считал, что без четкого разграничения понимания и объяснения психология падает обратно на уровень преднауки. Поэтому в философских трудах Ясперса психоанализ предстает как псевдонаука, наряду с марксизмом и расовой биологией.

Практика психотерапии нередко приводит к тому, что она вызывает те явления, которые соответствуют имеющейся у терапевта теории. La grande hystérie Шарко нигде, кроме Сальпетриер, не наблюдалась. Ссылки психоаналитиков на успешность лечения с помощью теорий Фрейда неосновательны: что только не служило средством терапии, в Лурде было, вероятно, больше исцелений, чем у всех психиатров вместе взятых. Ясперс сравнивает психоанализ с exercitia spiritualia Лойолы, а множество психоаналитических школ с гностическими сектами поздней античности.

В докладе 1950 г. “К критике психоанализа” он указывает на то, что Фрейд создал собственное “мировоззрение” и далеко отошел именно от духа научности. В человеческой жизни все наделено смыслом, но когда берется какой-то один уровень и делается “базисом” для всех остальных, то мы имеем дело не с наукой, а с философией или религией. Из нескольких истерических симптомов выводится вся история болезни, а она расширяется затем на всю биографию. Это открывает путь множеству противоречащих друг другу интерпретаций, поскольку основатель какой-то иной секты волен взять в каче

стве фундамента другой смысловой уровень. Тем самым утрачивается масштаб для отличия истины от лжи. Психолог претендует на тотальное знание человеческой души, но на деле он занят постройкой собственной псевдорелигии, подкрепляемой процедурами инициации. К ним Ясперс относит дидактический психоанализ (*Lehranalyse*), который он называл “дрессировкой ортодоксии” (*Dressur zur Orthodoxie*): догматика психоанализа впечатывается в сознание ученика, соединяется с его собственной жизнью таким образом, что он видит не только других, но и самого себя лишь сквозь призму фрейдовской теории.

Ясперс является противником психоанализа также по этическим основаниям. По ходу лечения пациент сталкивается с архаическими содержаниями души: символами, которые, по мнению аналитика, имеют универсальное значение. Психоаналитик убеждает пациента в том, что именно в силу неких общих законов в душе пациента возникли конфликты и нарушения. Терапевт становится пророком новой веры, в которую он обращает пациента, а тем самым его “лечит”, “очищает” сознание от вредоносных проекций и т.п. Он действует наподобие любого другого врача, от невроза извлекаются так, словно речь идет об удалении аппендикса или больного зуба.

Но в действительности речь идет об индоктринации, а не о катарсисе. “При всех советах пациенту, стремлении помочь ему взглянуть на его реальную ситуацию, на его личностный мир и на самого себя, важнейшим остается решительное Да или Нет пациента”⁹. Дело не в том, что его обучат чему бы то ни было – он сам решает, принять ли ему совет, методику, стиль жизни. В конечном счете все зависит от его экзистенциального выбора. А этого за пациента не сделает никто, даже самый умелый психотерапевт может лишь подвести в процессе коммуникации к мысли о необходимости такого выбора.

В психоанализе должно выводиться из сущего, свобода сводится к познанию законов психики, которые не менее объективны, чем законы термодинамики. Ясперс приводит диалог из “Макбета”, где главный герой просит у врача провести нечто вроде психоаналитического лечения леди Макбет, тогда как врач указывает ему на необходимое личностное участие больного:

How does our patient, doctor?

Doctor: *Not so sick my Lord,
As she is troubled with thick-coming fancies,
That keep her from her rest.*

Macbeth: *Cure her of that;*

*Canst thou not minister to a mind diseased;
Pluck from the memory a rooted sorrow;
Raze out the written troubles of the brain;
And with some sweet oblivious antidote,
Cleanse the stuff'd bosom of that perilous stuff
Which weighs upon the heart?*

Doctor: *Therein the patient
Must minister to himself*

(Ну, как больная, доктор?)

Врач: *Государь,
Она не так больна, как вихрь видений
Расстраивает мир ее души.*

Макбет: *Избавь ее от этого. Придумай,
Как удалить из памяти следы
Гнездящейся печали, чтоб в сознание
Стереть воспоминаний письмена
И средствами, дающими забвенью,
Освободить истерзанную грудь
От засоряющих ее придатков.*

Врач: *Тут должен сам больной себе помочь.)*

(перевод Б.Пастернака)

И как ученый, требующий строго научного метода, и как философ, ограничивающий знание, чтобы освободить место “философской вере”, Ясперс является противником психоанализа. Его критика фрейдизма сохраняет свою значимость. Здоровое критическое мышление в науке и философская рефлексия не терпят торопливых обобщений с мировоззренческими претензиями. Но вместе с “грязной водой” фрейдовской любительской метафизики тут есть риск выплеснуть и оригинальные идеи, открытия психоанализа. Пусть ответы Фрейда на поставленные им самим вопросы малоудовлетворительны, но сами вопросы остаются аутентичными. В психотерапевтической практике, в отличие от академической психологии, изучающей в лабораторных условиях отдельные психические функции, врач имеет дело не с физиологическими механизмами и смысловыми связями в отдельности, но с конкретным человеком, индивидуальным единством души и тела. Развитая на основе психоанализа психосоматическая медицина достоверно показывает, как психические конфликты ведут к соматическим заболеваниям. Психоанализ представляет собой метод постижения конкретной реальности другого, он вынуж

ден “сидеть на двух стульях”, представляя собой герменевтику телесного, психологию влечений. Противоречивость психоанализа проистекает из противоречивости человеческой природы: природное и культурное слиты в индивидуальном существовании. В стремлении постичь эту конкретную реальность феноменологическая психология и психиатрия не остановились на дескрипции и “генетическом понимании” Ясперса. Различные симптомы образуют целостные единства, гештальты или структуры, которые доступны без обращения к каузальным механизмам. В исследованиях по меланхолии Минковский и фон Гебзаттель обнаруживают одну и ту же временную структуру: поток времени как бы останавливается во внутреннем мире, блокируется, настоящее переживается как упадок, стагнация, а будущее вообще исчезает из сознания. Из этого базисного симптома выводится вся картина заболевания. Время, пространство, причинность, субстанциальность предстают в работах психиатров-феноменологов не как категории мышления, но как общие структуры переживания. Наложение этих гештальтов вело к реконструкции внутреннего мира как целого, скрытого за внешними проявлениями.

Ясpera ориентация психиатров на конкретного человека как индивидуальную тотальность, постигаемую изнутри, не могла не привести их к встрече с экзистенциализмом, тем более, что внутренний поток времени был для них одним из определяющих феноменов. Не случайно и то, что многие ведущие представители экзистенциальной философии выступали как психологи (работы Сартра об эмоциях, Мерло-Понти о восприятии и т.д.). Экзистенциальная феноменология для многих психологов и психиатров и сегодня является альтернативой бихевиоризму и клинической психиатрии¹⁰. Наибольшим влиянием на протяжении нескольких десятилетий пользовалась та версия экзистенциально-феноменологической психологии, которая была синтезом психоанализа с идеями “Бытия и времени” М.Хайдеггера.

Ясперс отвергал и подобное соединение феноменологической онтологии с психоанализом. Для него невозможен какой бы то ни было методически выверенный подход к человеческому бытию, идет ли речь о системе наук или о Daseinsanalyse. Наука обречена на субъект-объектное отношение. “Человек в целом никогда не станет предметом познания. Не существует системы человеческого бытия... Всякое познание человека дает частные аспекты, указывает всякий раз на *одну из* действительностей, но не на действительность *как таковую*”¹¹. Философия обращается к тому, что лежит за пределами научного познания. Попытки последователей Хайдеггера (Л.Бинсвангер, М.Босс и др.) с помощью понятийного аппарата “Бытия и времени” описать

основные структуры человеческой психики, а затем и исцелять невротиков, казались ему профанацией и философией, и психиатрией. Сторонники *Daseinsanalyse* отвечали ему не менее резко¹². Этот спор затрагивает не только расхождения в области философии между Ясперсом и Хайдеггером, но также важнейшие для современной психологии и психотерапии темы. В отличие от всех психоаналитиков, включая и представителей *Daseinsanalyse*, Ясперс проводит четкую границу между здоровьем и болезнью в области психопатологии. Для Ясперса несомненно то, что лишь меньшинство людей являются невротиками, тогда как с точки зрения сторонников психоанализа одни и те же предпосылки психических заболеваний присущи всем людям. В отличие от последователей Хайдеггера, он сохраняет дуализм “понимания” и “объяснения”, полагая его непреодолимым для научного мышления. И в психологии, и в философии этот спор продолжается.

¹ *Dilthey W.* Texte zur Kritik der historischen Vernunft. Göttingen. 1983. S. 61.

² *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. 1965. S. V.

³ *Jaspers K.* Einführung in die Philosophie. München, 1981. S. 50.

⁴ *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 372.

⁵ *Jaspers K.* Über Bedingungen und Möglichkeiten eines neuen Humanismus, “Reclam”. Stuttgart, 1951. S. 26.

⁶ *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Ein Leitfaden für Studierende. Berlin, 1913. S. 14.

⁷ *Ibid.* S. 16.

⁸ Цит. по: *B. Gaebler.* Erklären oder Verstehen? Karl Jaspers als Initiator bedeutsamer Neuansätze in der Psychiatrie // Н.-М. Gerlach: Existenzphilosophie – Karl Jaspers. Berlin, 1987. S. 114.

⁹ *Jaspers K.* The Nature of Psychotherapy. A Critical Appraisal. Chicago, 1964. P. 6.

¹⁰ См.: Existential-phenomenological alternatives for psychology. N.Y., Oxford Univ. Pr., 1978.

¹¹ *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. S. 641.

¹² Например, в работе Й. Кондрау, крупнейшего (после смерти М. Босса) представителя *Daseinsanalyse*, мы можем прочитать, что критика Ясперса касается только классического фрейдовского психоанализа, что Ясперс “утратил контакт с психотерапией последних шести десятилетий” и т.п. См.: *Kondrau G.* Einführung in die Psychotherapie. Geschichte, Schulen, Methoden, Praxis. “Fischer”, Frankfurt a.M., 1989. S. 205–207.